

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800024639-8

К типологии диахронических источников адверсативных показателей

© 2023 г. М. Г. Степанянц

Студент Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, Мясницкая улица, д. 20
maximstepanyants@gmail.com

Резюме. Эта работа посвящена источникам возникновения адверсативных (противительных) показателей в языках мира. Мы предлагаем типологическую классификацию значений, к которым, по-видимому, восходят единицы со значениями ‘но’, ‘однако’, ‘but’, ‘however’, ‘nevertheless’ или ‘whereas’. В неё входят следующие источники, не включённые в предшествующие классификации, к которым мы обращались (или требовавшие уточнения): нерешительное замещение (‘скорее’), фокализация (‘именно’), единый исход (‘как бы то ни было’), отсутствие препятствия (‘без препятствия’), а также дискурсивные значения повтора (‘опять’), перехода (‘впрочем, теперь’) и преемственности (‘а потом’). Благодаря различению четырёх семантических типов адверсативного сочинения (уступительного, заместительного, оппозитивного и аргументативного значений) в нашей работе процессы грамматикализации показаны более детализированно. Мы суммируем предполагаемые переходы значений, изображая их на семантической карте. Источниками наших наблюдений служат зафиксированные примеры диахронических семантических переходов, данные этимологии и факты синхронной полисемии.

Ключевые слова: сочинение, противительный союз, уступительность, грамматикализация, диахроническая типология, семантический переход.

Для цитирования: Степанянц М.Г. К типологии диахронических источников адверсативных показателей // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 1. С. 94–101. DOI: 10.31857/S160578800024639-8

Towards a Typology of Diachronic Sources of Adversative Markers

© 2023 Maxim G. Stepanyants

Student at the HSE University,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
maximstepanyants@gmail.com

Abstract. This paper is dedicated to the diachronic sources of adversative markers in the world’s languages. It presents a typological classification of meanings from which the linguistic units that have the meanings ‘но’, ‘однако’ (typical Russian adversatives), ‘but’, ‘however’, ‘nevertheless’ or ‘whereas’ have apparently developed. The classification includes the following sources, which are absent from the previous classifications that we have consulted (or need refinement): hesitant substitution (‘rather, more like’), focalization (‘exactly’), invariable outcome (‘be that as it may’), absence of a hindrance (‘without hindrance’), and also such discourse functions as repetition (‘again’), transition (‘anyway, now’) and continuity (‘next’). The distinction between four semantic types of adversative coordination (concessive, substitutive, oppositive and argumentative) that we make allows us to show the processes of grammaticalization in more detail. We sum up the apparent semantic shifts by putting them onto a semantic map. Our observations are based on the established examples of diachronic semantic shifts, etymological data, and instances of synchronic polysemy.

Key words: coordination, adversative conjunction, concessivity, grammaticalization, diachronic typology, semantic change.

For citation: Stepanyants, M.G. *K tipologii diahronicheskikh istochnikov adversativnykh pokazatelej* [Towards a Typology of Diachronic Sources of Adversative Markers]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 1, pp. 94–101. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800024639-8

1. Введение

Наша статья посвящена путям возникновения адверсативных (противительных) показателей в языках мира. Насколько нам известно, эта тема почти не освещалась в типологической перспективе. Если не учитывать многочисленные исследования уступительности (например, в [1] собраны известные диахронические источники этого значения; далее мы упомянем лишь некоторые из них), мы можем назвать только классификацию значений, к которым восходят адверсативные показатели, приведённую в [3], и классификацию из работы [2], в целом посвящённой румынской системе, но также принимающей во внимание другой романский материал. Классификация из [3] тоже использует материал лишь небольшого числа родственных языков — европейских. Кроме того, перечисленные в ней значения-источники в некоторых случаях очень далеки от адверсативных, что свидетельствует о наличии промежуточных этапов на пути грамматикализации. В этой статье мы хотели бы наметить контуры более обширной и сбалансированной классификации. В неё войдут те значения, из которых непосредственно возникли адверсативные, или наиболее близкие к ним, какие получается реконструировать. Наша выборка включает восемнадцать языков, что позволяет обнаружить источники, не включённые в предшествующие классификации.

Наши наблюдения сделаны на основании зафиксированных в литературе примеров диахронических семантических переходов, данных этимологии и фактов синхронной полисемии. Поскольку адверсативные показатели бывают грамматикализованы в разной степени [4, с. 48], мы определяем адверсативные единицы с точки зрения семантики, а не морфосинтаксиса — такой подход применяется и в [3]. Так, в качестве материала исследования мы выбрали языковые единицы, у которых в источнике хотя бы в одном из вариантов перевода или толкования имелся компонент ‘но’, ‘однако’ (по-русски) или ‘but’, ‘however’, ‘nevertheless’, ‘whereas’ (по-английски), сами единицы *but* и *however*, а также несколько русских единиц, употребляемых в значениях, приведённых ниже. В этой работе мы называем все такие единицы “адверсативными показателями”, или просто “адверсативами”.

Понятие адверсативного сочинения отсылает к нескольким семантическим типам конструкций. В [4, с. 28] таких типов выделяется три — вслед за этой работой мы будем использовать их, различая следующие значения: “уступительное” (*На улице дождь, но мы идём на прогулку*; доступна перифраза со специфически уступительным показателем *несмотря на* [4]), “заместительное” (*Он ездил не в Москву, а в Петербург*; по-видимому, для этого употребления важно, что отрицаемая пропозиция предшествует утверждаемой, а не наоборот, см. [5, с. 13], что отрицание выражено эксплицитно — см. определение из [4] — и что во втором конъюнкте происходит эллипсис, см. [6, с. 36]) и “оппозитивное” (*Аня гуляла, а я читал*; это сочинение симметрично в том смысле, что перифраза *Я читал, а Аня гуляла* не меняет семантику высказывания, см. [7, с. 135–136]). Ниже мы по мере возможности указываем, какой именно тип адверсативного значения возникает из каждого источника, что позволяет показать процессы грамматикализации более детализированно.

Однако, помимо названных выше общепринятых значений, нам кажется полезным выделять также “аргументативное” (*Картина дорогая, но красивая*; изменённый пример из [8]). Мы используем для него определение, данное в работе [9, с. 28]¹. В ней уступка считается частным случаем этого значения, но нам кажется, что оно отличается от уступительного: во-первых, в аргументативных контекстах тот факт, что обе соединяемые ситуации имеют место, не обязательно является неожиданным, а во-вторых, в уступительном значении неуместен компонент большей значимости второй пропозиции. Как кажется, аргументативное значение отвечает за немалую долю употреблений основного адверсативного показателя *но* в русском языке, то есть оно не является периферийным. Вероятно, к этому значению можно отнести и “превентивные” употребления (см. [5, с. 8] и [8, с. 180]): так, о примере *Он побегал, но упал* из [8] можно сказать, что в нём

¹ Покажем его на нашем примере. Пропозиция “Картина дорогая” служит аргументом в пользу какого-то вывода, например, “Мы не будем её покупать”. Но из пропозиции “Картина красивая” можно сделать вывод “Мы её купим”. Вторая пропозиция имеет бóльшую значимость, так что предложение целиком служит аргументом в пользу последнего вывода. Это сочинение принципиально асимметрично.

первая пропозиция служит аргументом в пользу вывода “Он добежал до желаемого места”, но вторая — в пользу противоположного².

В следующем разделе мы приводим типологию источников адверсативных значений, показывая, на каком основании мы сделали вывод о том или ином семантическом переходе. Она содержит как установленные, так и гипотетические источники. При наличии информации о том, что данный адверсатив развил с момента своего возникновения другие адверсативные значения, мы упоминаем их. В заключительном разделе мы суммируем получившуюся типологию, показываем пути возникновения каждого семантического типа адверсативного сочинения по отдельности и изображаем реконструируемые переходы на семантической карте.

2. Типология источников адверсативных значений

Предлагаемая нами классификация гетерогенна. Каждая из групп “исключение”, “нерешительное замещение” и “фокализация” представляет собой конкретное значение, которое само по себе может получаться из разных источников. Значения из группы “совместность ситуаций” объединены на семантическом основании (обе ситуации имеют место). К группе “введение дискурсивной единицы” относятся значения единиц, для которых общим является то, что они используются для организации дискурса. Значения из группы “различные (другие) источники уступки” объединяет общий для них результат грамматикализации; в две предыдущие группы попали такие источники уступки, как непрекращающаяся ситуация, дискурсивный повтор и дискурсивная преемственность.

2.1. Исключение

То, что адверсативы зачастую восходят к рестриктивному значению ‘только’, отмечается в [10] по [8, с. 194], а также в [11]. В последней работе говорится, что рестриктивные показатели приобретают аргументативное значение [11, с. 9]. Они также могут развивать заместительное. Оба значения, видимо, появляются в контексте, когда единица употребляется после отрицания (*К празднику ничего не было готово, только открытку подписали*). Как кажется, в нём рестриктивные единицы передают значение исключения, отмеченное [2]. Рассмотрим следующие данные.

² Отметим, что в этой работе мы не учитываем такие дискурсивные употребления адверсативов, как, например, использование союза *но* в начале реплики, содержащей возражение собеседнику. Возможно, в некоторых случаях такие контексты влияют на грамматикализацию адверсативов.

В [12, с. 310–311], грамматике языка вардаман, на котором говорят на севере Австралии, описан показатель *wangi* ‘only, except’. Он употребляется в значении ‘only’ в контексте отрицаемой предшествующей клаузы, а также может передавать аргументативное значение, см. ‘They said to them: “hey come get tobacco”, only that white man was hiding from him’. По [6, с. 242–243], на основании результатов [13] заместительное употребление английского *but* возникло из рестриктивного: автор цитирует цепочку изменения значений: эксептивное > рестриктивное > адверсативное. В [14, с. 339–340] показан контекст переосмысления “эксептивного союза” *but* как заместительного: это позиция после отрицания предыдущей клаузы. Автор пишет, что лишь позднее в истории языка *but* заменило *as* в значении ‘yet, however’. В [6, с. 143–144] также показано, что нижненемецкое *sunder*, заимствованное из верхненемецкого, когда-то передавало рестриктивное и заместительное значения, что указывает на то, что современное немецкое *sondern* ‘(не ...,) а’ произошло из значения исключения.

Значение исключения может также возникать из смысла ‘если не’. Так, согласно [15], в случае испанского *sino* ‘(не ...,) а’ заместительное значение происходит из значения ‘except’, которое происходит из выражений, начинающихся с *si no es* ‘except’ (буквально ‘if it isn’t’). В [16] по [17, с. 467] говорится, что значение *sino* происходит из сокращения условных предложений, и приводится пример: *Nadi non raste, / sinon dos peones solos* ‘Nobody should stay but two infantrymen’. Такое же развитие было, вероятно, у венгерского заместительного *hanem*, состоящего из условного союза и отрицания [18, с. 258, 295]. Ещё одна единица, имеющая такую внутреннюю форму, — это латинское *nisi*, употреблявшееся заместительно и аргументативно (см. ‘All pain will leave the body [...] there will not be any anguish, but only joy’ и ‘I don’t know how this is happening to me; except that/but I really hope that my son will return home!’) [19, с. 185–186]³.

2.2. Нерешительное замещение

Согласно [21], показатель *magis* в классической латыни означал ‘больше, более’, обладая качественным оттенком ‘скорее’. Он употреблялся

³ Согласно [19, с. 188], *nisi* также иногда, при наличии в контексте отрицания, обнаруживается вместо *quam* после “компаративов”, что автор, видимо, считает расширением его заместительных употреблений. Использоваться в сравнительной конструкции может и показатель *ta* из австронезийского языка муссау-эмира, заместительный [20, с. 69, 183]. Видимо, в этом случае заместительная конструкция была переосмыслена как сравнительная и грамматикализовалась.

в сочетании с латинским адверсативом *sed* со значением ‘а скорее’ и в какой-то момент стал самостоятельно выражать заместительное значение. Как кажется, изначально *magis* передавало в этом сочетании значение “нерешительного замещения”, как у русского *скорее* в *Он не друг, скорее приятель* — говорящий полностью отрицает первую пропозицию, но во второй не уверен. Но при наличии в контексте заместительного союза (*Он не друг, а скорее приятель*) высказывание приобретает эту уверенность, и значение единиц вроде *скорее* может быть переосмыслено как полноценное заместительное. Видимо, именно так произошло переосмысление *magis*, к которому восходит французское заместительное *mais*⁴.

Французское *ains* (*ainz*), восходящее к латинскому *ante* ‘перед, раньше’, употреблялось в заместительном значении [21] — вероятно, оно развило его из значения нерешительного замещения: в [22, с. 203–207] показано, что единицы ‘раньше’ могут приобретать значение “предпочтения” (*Он скорее будет есть рыбу, чем мясо*), которое, как кажется, и даёт начало значению нерешительного замещения. Мы предполагаем, что в случае *ains* переосмысление тоже произошло в контексте заместительного адверсатива. Вероятно, английское сочетание *but rather* иллюстрирует одну из стадий того же процесса: *rather* имеет значение предпочтения, и сегодня, как кажется, *but* всё меньше самостоятельно выражает заместительное значение. Более того, само *rather* может выражать замещение, см. *But there must be no talk of final victory; rather, the long, hard slog to a solution* [23].

2.3. Фокализация

В работе [8, с. 194] отмечается, что показатели фокуса часто используются в “контрастивной” функции — оппозитивной в нашей терминологии. Вероятно, данный семантический переход произошёл в истории армянской единицы *isk* (իսկ): она выражает оппозитивное значение, и в [24] для неё фиксируется значение ‘именно’, которое, как кажется, является устаревшим. Возможно, так же появилось оппозитивное употребление латинского *vero* ‘же, однако’ [25]. Заметим, что этот семантический сдвиг, видимо, не имел место в истории русского оппозитивного *же*. Согласно [26], его адверсативное значение могло появиться иначе: те, кто переводил греческие тексты на старославянский, расширили значение исконной

⁴ Мы предполагаем, что аргументативное и уступительное употребления французского *mais* восходят к значению исключения, см. древнее значение ‘seulement, rien, si ce n’est que’ в [21].

усилительно-эмфатической частицы *же*, приписав ей адверсативную функцию греческого *de* ‘and, but’⁵.

2.4. Совместность ситуаций

Одновременность

Возникновение адверсативных смыслов из значения одновременности ситуаций давно замечено в литературе, но мы хотим обратить внимание на то, что к нему восходят как оппозитивные, так и уступительные показатели. Примером первого перехода является грамматикализация итальянского *mentre* ‘while, as, whereas’ [27], рассмотренная в [28]. Сведения о втором находятся, например, в [29, с. 425–426], хотя некоторые приводимые примеры, возможно, иллюстрируют оппозитивное значение или неоднозначны⁶.

Непрекращающаяся ситуация

Уступительное значение может восходить к значению ‘always, constantly’, как, например, в случае итальянского *tuttavia* [3]. Однако в случае английского *still* оно, вероятно, возникло не из значения ‘constantly’, а из фазового ‘всё ещё’, в которое обычно заложен компонент неожиданности. В [30, с. 136] показаны такие исторические контексты, где *still* передаёт значение ‘continue to’, но ситуация является уступительной. По словам автора, такие контексты делают возможным расширение значения от противоречия ожиданиям к уступке. Близость упомянутых источников можно подтвердить тем, что *still* могло когда-то означать ‘always’ [30].

2.5. Введение дискурсивной единицы

Дискурсивный переход

О латинском *ceterum*, имеющем значение ‘но, однако’ [25], в [31, с. 384] говорится, что в ранней латыни оно ещё не развилось как адверсатив (transition marker) и означало ‘as to the rest; otherwise’, однако позднее стало выражать даже заместительное значение. По [32, с. 285], древнегреческое *allá* (ἀλλά) ‘but’ изначально имело значение ‘other things’, которое, вероятно, дало начало заместительному значению; помимо него, *allá* выражает уступительное и, видимо, аргументативное. *Allá* также может употребляться, чтобы

⁵ В [2] показатели-фокализаторы также предлагаются в качестве источника возникновения адверсативов, но речь идёт об уступительном значении, и под “фокализатором” понимается показатель со значением ‘даже’.

⁶ Заметим, что современное французское *cependant* имеет не оппозитивное значение ‘whereas’, как указано в [3], а уступительное.

“прервать текущую тему дискурса и ввести новую” [32, с. 287]. Мы полагаем, что в этих случаях функция дискурсивного перехода, восходящая к значению ‘в остальном’, даёт начало заместительному и аргументативному значениям.

По-видимому, аргументативные адверсативы могут также восходить к значению дискурсивного перехода, происходящему из временного ‘теперь’. Так, английское *now* может употребляться для перехода к новой теме, но, как кажется, также может нести аргументативное значение, см. *Now, if it was me, I'd want to do more than just change the locks* из [23]. Во французском языке есть единица *or*, имеющая в том числе перевод ‘однако’ [33]. Согласно [21], когда-то она употреблялась со значением ‘теперь, что касается’. Сегодня *or* может выражать уступительное и, видимо, аргументативное значение (*Je crois qu'il faut acheter cette peinture. Or mon ami ne l'aime pas*). В [34, с. 103–104] для показателя *ate* из австронезийского языка майсин фиксируется значение ‘now’ и функция введения новой мысли, а также переводы ‘but’ и ‘however’. Судя по примерам, приводимым автором, *ate* может выражать уступительное и аргументативное значение (см. ‘I sent it that month but you haven't written back’ и ‘They came back and looked around but [to their surprise and annoyance] the verandah was empty’ соответственно).

Дискурсивная преемственность

Обнаруживаемая в некоторых языках полисемия может свидетельствовать о том, что у показателей преемственности дискурса с буквальным значением ‘затем’ могут появляться оппозитивное и уступительное значения. Дискурсивное ‘а потом’ сходно с аддитивным значением и с временным значением ‘затем, потом’, и иногда, вероятно, становится сложным их различить. Заметим, что высказывания с обычными аддитивами вроде английского *and* в определённых контекстах могут интерпретироваться именно с этими адверсативными значениями. Вероятно, семантический переход из этого значения упоминается в [8, с. 191]. Рассмотрим следующие данные.

В [35, с. 419–421] говорится, что в индоарийском языке пхалула единица *ba* является показателем смены темы, преемственности дискурса (‘and then... and then’), а также может передавать оппозитивное значение, подобное ‘while’ или ‘however/ though’, в примере с переводом ‘Go and get a bowl each! The bear, though, will stay here and watch Katamosh’. Согласно [36, с. 266–268, 344], в другом индоарийском языке, раджбанши, есть дискурсивная частица *te* ‘then’, имеющая вариант *la*. Эта единица также выполняет функцию

топикализации, см. ‘As for me, I will not go’ (в определённом контексте это употребление можно было бы посчитать оппозитивным), и выражает уступительное значение, например, в предложении с переводом ‘That day the old woman came (in a) hiding (manner), but one jackal saw (her) again (anyway)’. В австронезийском языке ваеакау-таумако, по [37, с. 416–419], существует союз *ioko* ‘and, but’, уступительный в контекстах вроде ‘They pleaded with him to come to the woman, so the two of them could eat. But he refused’. Он также может выражать смену темы или героя дискурса и новое событие в последовательности.

Дискурсивный повтор

Уступительные адверсативы, видимо, могут возникать из дискурсивного значения, восходящего к значению повторения ‘снова’. На это указывают следующие данные. Немецкий союз *aber*, передающий уступительное и аргументативное значения, происходит из средневерхненемецкого наречия *aber* (*aver*), *abe* (*ave*) с полисемией ‘again, once more, on the contrary, but’ [38]. По [39, с. 204], в турецком языке *yine de* ‘nevertheless’ состоит из единицы ‘again’ и показателя смены темы (topic-shift marker). В [40] для русского *опять-таки* выделяется уступительное значение ‘тем не менее, всё-таки, однако’.

Вариант объяснения этого перехода, который мы можем предложить, — это дискурсивное употребление единицы ‘опять’. Как кажется, в его прототипе говорящий высказывает какую-то идею, которая была озвучена ранее в дискурсе, и указывает на то, что он в определённом смысле повторяется. Однако при дальнейшем расширении сферы дискурсивных употреблений, видимо, он может высказать и совсем новую мысль, а показатель с исходным значением ‘снова’ станет вводить адверсативную ситуацию.

2.6. Различные (другие) источники уступки

Следствие

Переход единиц, соединяющих ситуацию-причину с её следствием (‘поэтому, следовательно’), в уступительные показатели рассматривается в [28], в частности, на материале итальянского *però*. Заметим, что в современном языке оно может выражать аргументативное значение: см. *Mi piace, però è troppo caro* ‘I like it, but it's too expensive’ [27]. Также значением ‘so’ обладают уступительные показатели *mbatĩ* из языка понди, распространённого на Новой Гвинее [41, с. 103], и *dzo3l* из сино-тибетского языка йоннин на [42, с. 527–529, 538]. Возможно, их значение грамматикализовалось

в контексте с наличием отрицания, как в случае *però*, но сведений по этому поводу у нас нет.

Эмфатическое утверждение

Адверсативы, видимо, могут восходить к единицам со значением эмфатического утверждения [3]. Приведём примеры этого развития. Русское *правда* имеет значение ‘действительно, в самом деле’ [43, с. 208] и может употребляться уступительно (передавая некоторое специфическое уступительное значение, см. толкование [43, с. 216]); в [43] обсуждается развитие уступительной семантики у единицы со значением “соответствия действительности”. Согласно работе [32, с. 288–290], древнегреческое уступительное *mentoi* (μέντοι) ‘yet, however’ ранее имело значение ‘certainly’. По утверждению авторов [3], итальянское *bensi* ‘(не ...,) а’ тоже восходит к единице со значением вроде ‘в самом деле’, но исследований его семантики в диахронии мы не нашли.

Единый исход

Согласно [44], английское *however* — это реликт подчинительной клаузы вроде *however this may be*. В современном языке оно употребляется с уступительным значением, а также, видимо, может иногда выражать аргументативное (*This painting is expensive. However, I like it very much*). Специфическое значение ‘как бы то ни было, так или иначе’ наблюдается, например, в контекстах, где говорящему не удалось определить, какая ситуация имеет место, но это не влияет на то, что он скажет далее. Согласно [43, с. 66] русское *как бы то ни было* может как означать что-то вроде ‘в любом случае’, так и передавать уступительное значение. Во французском языке существует уступительный показатель *quoique*, имеющий перевод ‘однако’ в [33]. *Quoique* буквально означает ‘что бы ни’ и, возможно, тоже происходит из значения, близкого к ‘в любом случае’.

Отсутствие препятствия

Испанское *sin embargo* ‘however’ буквально означает ‘without obstacle’ [15]. Испанское *no obstante* ‘however’ образовано, видимо, из показателя отрицания и причастия ‘hindering’ [15]. Согласно [44], английское *notwithstanding* ‘in spite of, although, nevertheless, all the same’, вероятно, построено вслед за англо-нормандским и среднефранцузским *non obstant* и его этимомом *non obstante* из латинского языка. Итак, значение отсутствия препятствия даёт начало уступительным показателям.

3. Заключение

В этой работе мы показали существование двенадцати значений, к которым могут восходить адверсативные показатели, и классифицировали эти

значения в шесть групп (с определённой долей условности ввиду наличия ряда переходных случаев). Напомним, что, в то время как одни источники практически общеизвестны, другие носят лишь характер гипотезы. Суммируем получившуюся типологию:

1. *Исключение* (‘кроме того, что’)
2. *Нерешительное замещение* (‘скорее’)
3. *Фокализация* (‘именно’)
4. Совместность ситуаций
 - *Одновременность* (‘в то время как’)
 - *Непрекращающаяся ситуация* (‘всё ещё’)
5. Введение дискурсивной единицы
 - *Дискурсивный переход* (‘впрочем, теперь’)
 - *Дискурсивная преемственность* (‘а потом’)
 - *Дискурсивный повтор* (‘опять’)
6. Различные (другие) источники уступки
 - *Следствие* (‘поэтому’)
 - *Эмфатическое утверждение* (‘действительно’)
 - *Единый исход* (‘как бы то ни было’)
 - *Отсутствие препятствия* (‘без препятствия’)

По сравнению с классификациями из работ [2] и [3], в нашу классификацию входят следующие новые (или уточнённые) источники адверсативных значений: нерешительное замещение, фокализация, единый исход, отсутствие препятствия, дискурсивные значения повтора, преемственности и перехода.

На основании описанных в предыдущем разделе данных можно сделать следующие обобщения об источниках адверсативных значений. Аргументативное значение может возникать из значений исключения, дискурсивного перехода, а также уступки, на что указывает полисемия итальянского *però*. Заместительное значение — из значений исключения, нерешительного замещения и дискурсивного перехода, на что указывает, вероятно, история древнегреческого *allá* (ἀλλά). Оппозитивное значение — из значений фокализации, одновременности и дискурсивной преемственности. Что касается уступительного значения, оно может брать начало во множестве разнообразных источников. Здесь мы упоминали значения непрекращающейся ситуации, дискурсивного повтора, дискурсивной преемственности, следствия, эмфатического утверждения, единого исхода и отсутствия препятствия. Также, если значение исключения действительно даёт начало именно аргументативному значению, в истории единиц вроде *but*, вероятно, уступительное возникает из последнего (аналогичное предположение делается в [11, с. 9] для кантонской единицы *batlgwo3*)⁷. Мы изобразили эти обобщения на семантической

⁷ Отметим, что наблюдаемая асимметрия в количестве источников уступительного значения по отношению к остальным адверсативным может свидетельствовать об его обособленном статусе среди них, хотя, возможно, она объясняется большей степенью изученности этого значения.

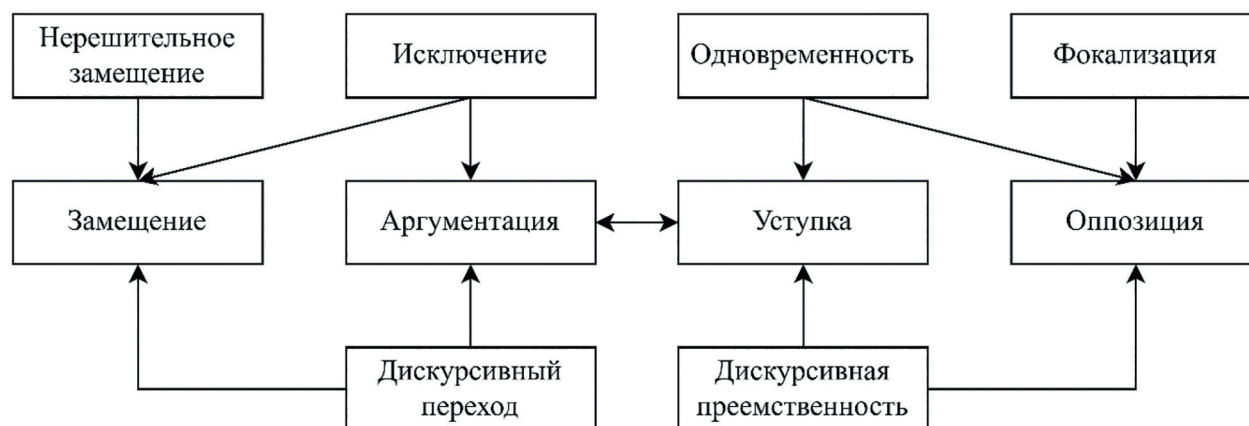

Рис. 1. Семантическая карта предполагаемых источников адверсативных значений (показаны не все известные источники уступительного значения)

карте (рис. 1), обозначив стрелками предполагаемые диахронические переходы. Для лёгкости восприятия мы не стали наносить на карту все известные источники значения уступки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. König E. Concessive markers and concessive meanings: Taking stock of what we know and do not know. Zeaiter S., Franke P. (eds.) *Pioniergeist, Ausdauer, Leidenschaft. Festschrift zu Ehren von Prof. Dr. Jürgen Handke*. Philipps-Universität Marburg, 2020.
2. Zafiu R. L'évolution des connecteurs adversatifs du roumain en perspective romane. Iliescu M., Siller-Runggaldier H., Danler P. (eds.) *Actes du XXVe CILPR Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2010. (In French)
3. Giacalone Ramat A., Mauri C. The grammaticalization of coordinating interclausal connectives. Heine B., Narrog H. (eds.) *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford University Press, 2011.
4. Haspelmath M. Coordination. Shopen T. (ed.) *Language typology and syntactic description. Vol. 2: Complex constructions*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
5. Payne J.R. Coordination. Shopen T. (ed.) *Language typology and syntactic description. Vol. 2: Complex constructions*. 1st ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
6. Kotcheva K. Adversativkonnectoren in den nordgermanischen Sprachen: Synchronie und Diachronie. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2014. (In German)
7. Lakoff R. If's, and's and but's about conjunction. Fillmore C.J., Langendoen D.T. (eds.) *Studies in Linguistic Semantics*. Irvington, 1971.
8. Malchukov A.L. Towards a Semantic Typology of Adversative and Contrast Marking. *Journal of Semantics*. 2004. № 21 (2). Pp. 177–198.
9. Anscombe J.-C., Ducrot O. Deux mais en français? *Lingua*. 1977. № 43 (1). Pp. 23–40. (In French)
10. König E. Concessive connectives and concessive sentences. Hawkins J. (ed.) *Explaining Language Universals*. Oxford, 1988.
11. Winterstein G. From exclusive to adversative meaning: A diachronic and cross-linguistic perspective. Workshop handout. Trondheim, 2016. URL: <http://gregoire.winterstein.free.fr/docs/Pres/WintersteinG-AdversativeRestriction-HO.pdf>
12. Merlan F.C. A grammar of Wardaman: a language of the Northern Territory of Australia. Berlin: De Gruyter Mouton, 1994.
13. König E., Kortmann B. Absolute complementation in the lexical structure of English and German. Lörcher W., Schulze R. (eds.) *Perspectives on language in performance: Studies in linguistics, literary criticism, and language teaching and learning: To honour Werner Hülsen on the occasion of his sixtieth birthday*. Tübingen: Narr, 1987.
14. Nevalainen T. Modelling functional differentiation and function loss: the case of but. Thorne J.P., Adamson S. (eds.) *Papers from the 5th International Conference on English Historical Linguistics*. Amsterdam: J. Benjamins Pub. Co, 1990.
15. Gómez de Silva G. Elsevier's concise Spanish etymological dictionary. Amsterdam: Elsevier, 1985.
16. Corominas J., Pascual J.A. *Diccionario crítico etimológico castellano e hispanico*. Madrid: Gredos, 1983. (In Spanish)
17. Esperanza Torrego M. Coordination. Baldi P., Cuzolin P. (eds.) *New Perspectives on Historical Latin Syntax. Vol. 1*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2009.

18. Майтинская К.Е. Венгерский язык. Часть 3: Синтаксис. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. [Majtinskaya, K.E. *Vengerskij jazyk. Chast 3: Sintaksis* [The Hungarian Language. Part 3: Syntax]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1960. (In Russ.)]
19. Galdi G. On so-called adversative nisi. *Pallas*. 2016. № 102. Pp. 181–190.
20. Brownie J., Brownie M. *Mussau grammar essentials*. Ukarumpa: SIL-PNG Academic Publications, 2007.
21. Rey A. *Dictionnaire historique de la langue française*. Paris: Dictionnaires Le Robert, 2010. (In French)
22. Traugott E.C., König E. The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited. Traugott E.C., Heine B. (eds.) *Approaches to grammaticalization*. Vol. 1. Amsterdam: J. Benjamins Pub. Co, 1991.
23. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>
24. Bararanonline (Galstyan Armenian-Russian dictionary). URL: <https://bararanonline.com/>
25. Lingvo Live (The Latin-Russian Dictionary). URL: <https://www.lingvolive.com/en-us/translate/>
26. Van Valin R.D. The Russian particle-connective *že*: its use and origin. *Russian Language Journal* [Русский язык]. 1977. Vol. 31, № 108. Pp. 61–67.
27. Collins Italian Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-italian>
28. Giacalone Ramat A., Mauri C. Gradualness and pace in grammaticalization: The case of adversative connectives. *Folia Linguistica*. 2012. Vol. 46, № 2. Pp. 483–512.
29. Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. *World Lexicon of Grammaticalization*. 2nd ed. Cambridge University Press, 2019.
30. Lewis D.M. Grammaticalizing adverbs of English: the case of still. Núñez Pertejo, López-Couso M.J., Méndez-Naya B., Pérez-Guerra H. (eds.) *Crossing linguistic boundaries: systemic, synchronic and diachronic variation in English*. London: Bloomsbury Academic, 2019.
31. Rosén H. Coherence, sentence modification, and sentence-part modification – the contribution of particles. Baldi P., Cuzzolin P. (eds.) *New Perspectives on Historical Latin Syntax*. Vol. 1. Berlin: De Gruyter Mouton, 2009.
32. Allan R.J. Ancient Greek adversative particles in contrast. Denizot C., Spevak O. (eds.) *Pragmatic approaches to Latin and Ancient Greek*. Amsterdam: J. Benjamins Pub. Co, 2017.
33. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 1993. [Gak, V.G., Ganshina, K.A. *Novyj frantsuzsko-russij slovar* [The New French-Russian Dictionary]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1993. (In Russ.)]
34. Frampton J.M. *Maisin: A grammatical description of an Oceanic language in Papua New Guinea*. SIL International, 2020.
35. Liljegren H. *A grammar of Palula*. Language Science Press, 2016.
36. Wilde C.P. *A sketch of the phonology and grammar of Rajbanshi*. Helsinki: Helsinki University Press, 2008.
37. Næss Å., Hovdhaugen E. *A grammar of Vaeakau-Taumako*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011.
38. Kluge F. *An etymological dictionary of the German language*. London: George Bell & sons, 1891.
39. Haig G. Linguistic diffusion in present-day East Anatolia: From top to bottom // Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. (eds.) *Areal diffusion and genetic inheritance: problems in comparative linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
40. Словарь русского языка. [Slovar russkogo jazyka [The Russian Language Dictionary]. (In Russ.)]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
41. Barlow R. *A sketch grammar of Pondi*. Acton: Australian National University Press, 2020.
42. Lidz L.A. *A descriptive grammar of Yongning Na (Mosuo)*: PhD Dissertation. University of Texas at Austin, 2010.
43. Апресян В.Ю. Уступительность: Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Apresyan, V.Yu. *Ustupitelnost: Mehanizmy obrazovaniya i vzaimodejstviya slozhnyh znachenij v jazyke* [Concessivity: The Mechanisms of Establishment and Interaction of Complex Meanings in Language]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kultury Publ., 2015. (In Russ.)]
44. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/>

Дата поступления материала в редакцию: 19 октября 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 30 ноября 2022 г.
Статья принята к публикации: 15 декабря 2022 г.
Дата публикации: 28 февраля 2023 г.

Received by Editor on October 19, 2022
Revised on November 30, 2022
Accepted on December 15, 2022
Date of publication: February 28, 2023